

МУЗЫКА КАК ИНТОНИРОВАННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ЧЕТЫРЕХ ВНЕШНИХ РЕАЛЬНОСТЕЙ БЫТИЯ И РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. Статья содержит материалы доклада, сделанного на методологическом семинаре «Научная школа В.С. Мухиной в Московском педагогическом государственном университете». Представлена авторская интерпретация генезиса музыкального интонирования в свете концепции четырех внешних реальностей бытия и развития личности В.С. Мухиной. Обсуждается продуктивность методологических положений, разработанных В.С. Мухиной, в свете взаимодействия идей и научных школ в пространстве развития музыкальной психологии.

Ключевые слова: экспрессия переживаний личности, рода, этноса, конфессии; интонирование; интонационный знак; знаковая функция интонирования; генезис знаковой функции интонирования; интонированная идентичность; интонирующее сознание личности; на пересечении четырех внешних реальностей.

Abstract. The article contains the materials of the report made at the methodological seminar “Scientific School of V.S. Mukhina in the Moscow State Pedagogical University”. The author’s interpretation of the genesis of musical intoning is presented in the light of the concept of the four external realities of being and development of personality V.S. Mukhina, the productivity of interaction between ideas and scientific schools in the space of development of musical psychology is discussed.

Keywords: intoning expression of personal, tribe’s, ethnic, religion confession’s feeling; intoning; intonation sign; signum function of intoning; genesis of signum function of intoning; an intoning identity; an intoning consciousness of personality; at intersection of four external realities.

Музыка как
феномен культуры
и предмет научных
изысканий

Музыка как феномен культуры и сознания человека изучалась и изучается с самых разных научных позиций (музыковедения, культурологии, фольклористики, социологии, философии и т.д.), в том числе и с психологических: как часть психологии восприятия и творчества (С.Н. Беляева-Экземплярская [1–4], Е.В. Назайкинский [5], Г.И. Иванченко [6] и др.), психологии специальных способностей (К. Сигор [7], Б.М. Теплов [8], Дж. Слобода [9] и др.) и даже психофизиологии специальных слуховых ощущений как фактора разделения музыкальных и других акустических явлений (начиная с Г. Гельмгольца [10]).

Все эти названные и неназванные имена и источники охватываются общим научным предметом, формирующим такую область знаний, как *музыкальная психология*. Фокусом изысканий автора статьи, опирающегося на перечисленные подходы и концепции, явилась проблема музыкального сознания [11; 12] и его индивидуально-личностных аспектов [13]. Продвижение на этом пути в определенный момент времени стало возможным благодаря встрече с трудами и личностью В.С. Мухиной [14–18].

Встреча научной традиции музыковедения Б.В. Асафьева, научной школы Б.М. Теплова и научной школы В.С. Мухиной в пространстве проблемы интонирования

Рассмотрение интонирования как фундаментального компонента музыкального формообразования стало естественным процессом для музыковедения со времени появления классического труда Б.В. Асафьева «Музыкальная форма как процесс», где была высказана аксиоматическая и аксиологическая мысль: «Музыка есть искусство интонируемого смысла» [19, 344]. Существует также устное свидетельство профессора Киевской консерватории Н.А. Горюхиной о том, что первоначально Б.В. Асафьев мыслил назвать книгу «Музыкальная форма как процесс интонирования». Судя по содержанию самого труда, весьма похоже на правду, впрочем никакой ссылки на зафиксированность данной мысли в печатном тексте я дать не могу.

Акцентуация внимания на «интонационной форме музыки»

В то же время В.В. Медушевский, продолжая исследование музыкального смысло- и формообразования, акцентировал внимание на «интонационной форме музыки» [20]. Явление интонационной избирательности восприятия музыки личностью с позиции этномузыковедения изучал И.И. Земцовский, предложивший понятие «этнослух» в качестве признака слуховой настройки и бессознательной установки музыкального сознания, проявляемого как в процессе восприятия музыкальных явлений, так и в музицировании [21].

Психологический подход к феномену интонирования

Психологический подход к раскрытию сущности феномена интонирования был осуществлен С.Н. Беляевой-Экземплярской [1–4] и Б.М. Тепловым [8] в исследовании музыки с позиции герменевтики интонированного переживания.

Феномен интонирования как атрибут личностной, родовой и других видов идентичности

Изучение феномена интонирования как атрибута личностной, родовой, этнической, социальной и конфессиональной идентичности стало возможным благодаря концепции В.С. Мухиной о едином механизме идентификации-обособления и реалиях развития и бытия личности, формирующих самосознание и идентичность, в том числе через интонационные знаки [16; 17].

Результатом встречи научных школ в моем сознании исследователя стало: изучение интонирующей

Концепция
В.С. Мухиной
об исторически
обусловленных
реальностях бытия
и развития личности

функции языкового сознания в доречевых и невербальных формах; изучение сущностного взаимодействия и обмена опытом переживаний между людьми, этносами и поколениями через интонационные знаки и символы; понимание самого феномена музыки как интонированной идентичности на пересечении четырех внешних реальностей бытия и развития личности [16, с. 48–315].

В.С. Мухиной были выделены четыре внешние исторически обусловленные реальности существования человека, которые рассматриваются ею как факторы формирования личности. Это:

- 1 – реальность предметного мира;
- 2 – реальность образно-знаковых систем;
- 3 – природная реальность;
- 4 – реальность социально-нормативного пространства.

Очевидно, пишет автор, что «все реальности существования человека не только взаимодействуют, но и перетекают друг в друга» [Там же, с. 48].

Феномен
музыкально-
языкового сознания

Феномен музыкально-языкового сознания принадлежит знаково-символической реальности (реальности образно-знаковых систем). Перетекание же в эту реальность явлений, которые лежат в пределах акустической, то есть природной, реальности, есть тот «водораздел», знаменующий появление данного феномена – музыкально-языкового сознания – в антропогенезе. В истоке превращения явлений природной реальности в культурные феномены лежат метаморфозы реальности внутреннего пространства личности, переплавляющего явления природной реальности в культурно обусловленные знаково-символические реальности, то есть речь идет о внутриспсихическом генезе интонирующей функции музыкально-языкового сознания.

Концепция внешних
реалий,
формирующих
физическую
организацию
человека

Предложенная В.С. Мухиной концепция внешних реальностей, формирующих культурно-определенную психическую организацию человека, дает возможность осмысления их как активаторов языковости психики: «...условия развития и бытия человека через значимые, объективно существующие и реально воздействующие факторы...» [16, с. 48] могут быть осмыслены в свете порождения культурно-определенных знаков интонируемой идентичности личности, то есть ее интонирующего и музыкально-языкового сознания.

Рассмотрим, как это происходит в последовательности анализа внешних реаллий.

Природная реальность
как активатор
интонируемой идентичности

Природная реальность анатомии и физиологии организма человека является исходным уровнем для пробуждения механизма интонирования в его органически обусловленных данностях артикуляционного, слухового и

двигательно-пластического аппаратов и выразительных возможностей тела человека. Телесность как исходное условие запуска механизмов интонирования встречается в реальности природных предпосылок с окружающими условиями, определяющими возможности экспрессии переживаний, слышания и видения интонируемого сообщения, зависящих от ландшафта, вида растительности, температуры, твердости или мягкости почвы, сухости или влажности материальной среды существования человека, семьи, рода и этноса.

Индивидуальная и природная реальности налагаются друг на друга

Индивидуальная и природная реальности пересекаются в органах чувств человека как исходных рецепторах и акцепторах психической активности. С их помощью индивид не только познает мир вокруг, но и фиксирует проживание и переживание этого мира в первичных интонационных ответах природе. В.С. Мухина пишет: «Определив позицию отношения к природе не только как к объекту, но и как к субъекту и следуя этой позиции, человек может проявлять себя как личность. <...> Соприкасаясь с явлениями и предметами природы – играя, мифологизируя и практически используя природу, человек приближается к постижению ее сокровенной сущности» [16, с. 175]. И далее: «...отношение к другому через призму формулы “человек – природа – человек” – норма. Реальность природного мира – это особенная форма существования человеческой сущности, особые условия движения человека к себе как личности» [Там же].

Предметная реальность как активатор интонируемой идентичности

Реальность предметного мира также обуславливает культурно-определенный облик интонирования личности, заданный предками в предметах быта, в его звучащих и в других символофиксирующих сущностях, задающих культурно обусловленный каркас жизнедеятельности: тип жилья, предметы домашнего обустройства, украшения и орнаменты, музыкальные инструменты.

Факты общего знакового порядка, питающиеся общей предметной реальностью

В моих наблюдениях находятся удивительные факты общего знакового порядка, относящиеся к разным аспектам жизни, но питающиеся *общей предметной реальностью*. Так, культуры, имеющие в своем предметном обустройстве традицию «меблировки» быта, то есть создающие столы и стулья для принятия пищи, кровати и диваны для сна, породили и музыкальные инструменты для адекватного интонирования своего мировоззрения, как бы приподнятые над землей, полом дома, имеющие «столешницы» и требующие стульев для игры на них: это культуры роялей, органов, арф, даже струнные инструменты приобрели в этих культурах «ножки» – таковы виолончели и контрабасы, некоторые

Другие народы
традиционно
воспроизводят иной
тип жилища

духовые инструменты, созданные интонирующим сознанием европейцев.

В то время как степные народы Азии, традиционно воспроизводящие иной тип жилища и практически не имеющие в нем мебели, ведут домашнюю жизнь на настилах, полах, так же принимают пищу и сон, имеют традиционные музыкальные инструменты, не требующие столов и стульев, лежащие при исполнении на полу, коленях или ступнях музыканта, также сидящего на земле или настиле пола в жилище. Разница в звучащих предметах, в их приближенности или удаленности от земли создает разницу и в интонировании, не только инструментальном, но и голосовом.

Исходя из этих размышлений, не могу не согласиться с В.С. Мухиной, утверждающей: *«Реальность предметного мира как творение человечества – это особенная форма существования человеческой сущности, особые условия движения человека к себе как личности»* [16, с. 97].

Реальность образно-
знаковых систем
как активатор
интонируемой
идентичности

Реальность образно-знаковых систем, выделенная В.С. Мухиной, имеет наибольшую зону пересечения с феноменом интонирования. Можно даже сказать, что, черпая сигнификационные признаки в природной и предметной реальностях, феномены интонирования оседают в образно-символической реальности, являясь резервуаром культурных знаков и архетипов. В.С. Мухина выражает уверенность: «Все виды образов и знаков отрабатываются в сознании человека в условиях игры, фантазирования и реального взаимодействия с другими людьми – в искусстве и обыденной жизни» [Там же, с. 143]. Эта реальность множится в разных модальностях видимых и слышимых языковых систем: в национальных орнаментах и цветах одежды, в ритуализированных движениях и позах культовых и танцевальных практик, в языке обыденной и сакрализованной речи, в звуковом сопровождении праздников и будней, ритуалов перехода и взаимодействия внутри и вне рода, семьи. Все эти видимые и слышимые сигналы «своего» в противопоставлении «чужому» формируют локальную языковую определенность на базе врожденной универсальной языковости.

Социально-
нормативная
реальность
как активатор
интонируемой
идентичности

Следующей реальностью, выделенной В.С. Мухиной, является социально-нормативное пространство, которое узаконивает взаимоотношения каждого члена общества как друг с другом, так и с реальностями предметного мира, образно-знаковых систем и природы: «Реальность социально-нормативного пространства – живая жизнь человечества в его истории, сегодняшнем

Тип интонирования
становится знаком,
интонационным
символом

дне и будущем – определяет как развитие самих реальностей предметного мира, образно-знаковых систем, природы, так и развитие рефлексий на них самого человека, который постигает сущностные особенности социально-нормативного пространства через разнообразные способы присущей ему активности...» [16, с. 264].

Тип интонирования, обслуживающий и уместный в каждом из разнообразных видов транзакций в обществе, присваиваемый с раннего детства, также становится знаком, интонационным символом, считываемым сознанием и воспроизводимым непосредственно в процессе межличностного взаимодействия. На основании этих невербальных интонационных знаков социальной принадлежности человека, его прошлого опыта или притязаний личности формируются у нас неосознаваемые раппорты, сигнализирующие о принятии или непринятии того предлагаемого содержания, которое стоит за предъявленной собеседником автоматизированной формой интонирования.

Интонирование
в интерпретации
автора

Интонирование, в моей интерпретации, – это один из способов неосознаваемых социальных дифференциаций, членящих социум на неформальные страты, безошибочно относящие человека «звучащего» на свое место по отношению к той или иной «звучащей» общности. Ярким примером может служить история Элизы Дулиттл, героини пьесы Б. Шоу «Пигмалион». Профессор фонетики Хиггинс в начале сюжета говорит своему собеседнику, знатоку санскрита: «Взгляните на эту девчонку! Слышали вы, на каком жаргоне она говорит? Этот жаргон навсегда приковал ее к панели. Так вот, сэр, дайте мне три месяца, и эта девушка сойдет у меня за герцогиню на приеме в любом посольстве. Я даже смогу устроить ее горничной или продавщицей в магазин, где надо говорить совсем уж безукоризненно» [22, с. 243].

Узнаваемыми знаками социокультурной или этноконфессиональной общности или противопоставленности являются неосознаваемые сигналы видимого и слышимого интонирования, за которыми стоит аффективный опыт интонирования своей идентичности родом, этносом или конфессией, способ его интонационно-знакового запечатления.

Реальность внутреннего пространства
личности как условие
возникновения
интонируемой
идентичности

В интерпретируемой здесь мною концепции В.С. Мухиной о четырех внешних реальностях бытия и развития личности и реальности внутреннего пространства особое внимание уделяется последней. Формирование этой реальности находится в зависимости от внешних реальностей – условий развития и бытия человека

как личности, особенностей генотипа и внутренней позиции самого человека. В.С. Мухина пишет: «Образно-символический язык живописи, музыки, прозы и поэзии создает *бесконечность нетрафаретного внутреннего пространства личности*. Проживая свои чувства, образы и мысли, творец нового видения сущностных образов ищет способы их передачи другим людям. Конкретный человек как творец привносит во внешнюю реальность образно-знаковых систем свои исключительные образы и символы и тем самым восполняет и развивает реальность образно-знаковых систем Великого идеополя общественного сознания» [16, с. 314].

В.С. Мухина ведет эту мысль от К. Маркса: «...чувства общественного человека суть иные чувства, чем чувства необщественного человека. Лишь благодаря предметно развернутому богатству человеческого существа развивается, а частью и впервые порождается богатство субъективной человеческой чувственности: музыкальное ухо, чувствующий красоту формы глаз, короче говоря, такие чувства, которые способны к человеческим наслаждениям и которые утверждают себя как человеческие сущностные силы. Ибо не только пять внешних чувств, но и так называемые духовные чувства, практические чувства (воля, любовь и т.д.) – одним словом, человеческое чувство, человечность чувств – возникают лишь благодаря наличию соответствующего предмета, благодаря очеловеченной природе» [23, с. 122].

Феномен интонирования, в том числе музыкально-го, – один из языков личности и элемент, маркирующий ее культурную принадлежность. Как же данный внешне наблюдаемый феномен становится знаком этнокультурной и социальной идентичности?

Схему превращения внутренней формы этнического сознания во внешние знаки кратко можно описать так: жизненно значимые переживания семьи, рода и этноса формируют свои экспрессивные знаки, которые закрепляются при повторном переживании и означении. Одной из форм знаков, наряду с визуальными формами – символами, орнаментами, иероглифами, рунами и т.д., являются интонационные знаки и символы – *видимые и слышимые знаки интонированного переживания*.

Переход природной и внутренней реальности в знаково-символическую сопряжен с порождением образа-знака переживания в процессе интонирования. Само существование интонированного символа – явление

Чувства
общественного
человека иные, чем
чувства
необщественного
человека

Феномен
интонирования
как маркер
идентичности
на пересечении всех
реальностей

Переход в знаково-
символическую
реальность

глубоко индивидуальное, принадлежащее внутренней реальности конкретного человека, но обогащающее культуру как межличностное бытие. Межличностное пространство становится зоной обмена интонированными переживаниями, в которой застывают наиболее понятные для большинства звуковые символы. Исторически и биографически обусловленные способы символизации переживаний, личностно оформленные в интоны и нарративы, коммуникативно отточенные культурной реальностью, и составляют, по-видимому, первоисток музыкально-языкового сознания, который адекватнее считать интонирующим сознанием.

Идентификация-
обособление
как механизм
становления
многогранной
идентичности
личности

В концепции В.С. Мухиной для нас также важны рассматриваемые ею механизмы, которые содействуют социализации и индивидуализации человека, – идентификация и обособление. «Механизмом присвоения отдельным индивидом всесторонней человеческой сущности является идентификация. В психологии идентификация представлена как механизм эмоционального и иного самоотождествления человека с другим человеком, группой, образцом» [16, с. 382].

Феномен Элизы
Дулиттл

Именно это произошло с Элизой Дулиттл через изменение стереотипов языкового сознания. Если отбросить некую художественную условность нереальной скорости произошедших в личности лондонской цветочницы изменений, идентификация ее с искомым социальным слоем могла бы произойти не только и не столько посредством присвоения лексики и фонетики, как это написано у Б. Шоу, а путем присвоения стиля интонирования в речи и жестах. Однако и в этом способе волшебного преображения Элизы скрыты подводные камни неустраняемой глубинной идентичности со своими социальными корнями, но эти моменты находятся уже вне рамок сюжета пьесы и вне рамок жанра.

Понятия,
отражающие
феномен
отождествления
в концепции
В.С. Мухиной

Как происходит отождествление? Подражание, или имитация, заражение (как «неудержимое подражание, усвоение чего-либо от другого»), повторение (через воспроизведение, исполнение того же самого) и подлаживание («приспособление, синхронизация с действиями других; подражание») выделены В.С. Мухиной как понятия, отражающие феномен отождествления. Она рассматривает идентификацию и обособление как «феноменологически присущий человеку механизм развития и бытия на всех доступных ему уровнях пребывания в мире» [Там же, с. 386].

Делание (выделывание), или самоосуществление, личности в процессе присвоения эталонов интонирова-

Видимые, слышимые
и ощущаемые языки
интонирования
переживаний
в мусических
искусствах

ния происходит по разным каналам: по слуховому – слышимое и воспроизводимое голосом или в звучании инструментов, по зрительному – видимое и повторяемое в пластике приобщение или отстранение.

Процессуальная экспрессия переживания выражается во времени обыденной жизни и во временных искусствах, со времен античности называемых мусическими: в танце, музыке, поэзии, декламации. В части мусических искусств экспрессия переживания явлена в *видимых формах*, в части – в *слышимых* [24]. Танец и пластические формы интонирования (пантомима, мимические картины, хореография) основаны на видимых интонациях, в то время как музыка, поэзия, декламация – на слышимых. Все мусические искусства неразделимы, синкретичны и синтетичны, рождая синтетические формы мусических искусств – театр, балет, кино и т.д. Во внутренней форме мусических искусств можно усмотреть общую архитектонику, обусловленную архитектурикой переживания. Именно поэтому феномен интонирования во всех своих формах может быть инструментом исследования и понимания сущности переживаний личности и этноса.

Избирательность
как свойство
познавательных
процессов, связанное
с идентичностью

Умозаключения о наблюдаемой избирательности восприятия интонационных знаков музыки привели музыковеда-этнографа И.И. Земцовского к созданию понятия «этнослух». Думаю, не менее уместно было бы ввести подобное понятие для визуальной практики восприятия явлений окружающей реальности – «этновидение».

Этнослух – это, прежде всего, «внутренняя слуховая настройка», – пишет исследователь [25, с. 4], постепенно раскрывая содержание понятия: «Наше ухо обладает как механизмом схватывания новой информации, так и механизмом торможения при получении информации, по той или иной причине ему нежелательной. Ожидание оказывается конструированием. ...Этнослух – это не только избирательность слуха, но и его невольная аберрация. Мало того – это и невольное же подключение к слуховому восприятию чего-то постороннего для данного звучания, чего-то сугубо своего, того, чего не было в первоисточнике (например, ритмический пульс звучания). Мне вспоминается наблюдаемое мной... во время сенсационных тогда гастролей американской труппы “Порги и Бесс” в Ленинграде поведение черного мальчика, который, сидя пополудни у здания театра, “аккомпанировал” сам себе ладошками, слушая какую-то русскую музыку и тем самым приближая ее к себе, как бы

Вместо заключения

антропологически преобразая, “транспонируя” ее в свой этнослух» [25, с. 4–5].

Представленное В.С. Мухиной наполнение четырех внешних реальностей бытия и развития личности и внутренней реальности личности умозаключениями о взаимосвязи феноменов интонирования и разнообразных уровней идентичности было принято в методологический фундамент ряда моих исследований, что позволило теоретически осмыслить и реконструировать символогенез музыкально-языкового сознания. Хотелось бы думать, что встреча представителя направления музыкальной психологии с научной школой В.С. Мухиной обоюдно продуктивна для психологической науки в целом и представленных направлений в частности. То есть не только исследования музыкально-языкового сознания получили новый импульс, опираясь на методологию, разработанную в школе В.С. Мухиной, но и исследования личности и ее многомерной идентичности в рамках данной школы могут быть обогащены понятием «интонирование» как внешне наблюдаемым знаком внутреннего содержания личности. Категория «интонирование» может помочь описанию и пониманию наблюдаемых ранее психологических феноменов разного порядка.

1. *Беляева-Экземплярская С.Н.* О психологии восприятия музыки. – М., 1924.

2. *Беляева-Экземплярская С.Н.* Заметки о психологии восприятия времени в музыке // Проблемы музыкального мышления: сб. статей; сост. и ред. М.Г. Арановский. – М., 1974. – С. 303–329.

3. *Беляева-Экземплярская С.Н.* Исследование психологии современного массового слушателя // Музыкальное образование. – 1929. – № 3–4. – С. 18–22.

4. *Беляева-Экземплярская С.Н.* Музыкальная герменевтика // Искусство. – 1927. – Т. 3. Кн. 4. – С. 127–138.

5. *Назайкинский Е.В.* О психологии музыкального восприятия. – М., 1972.

6. *Иванченко Г.В.* Психология восприятия музыки: подходы, проблемы, перспективы. – М., 2001.

7. *Seashore C.E.* Psychology of Music. – New York, 1990.

8. *Теплов Б.М.* Психология музыкальных способностей. – М., 2003.

9. *Sloboda J.A.* Musical mind: the cognitive psychology of music. – Oxford, 1987.

10. Гельмгольц Г. Учение о слуховых ощущениях как физиологическая основа для теории музыки. – Изд. 3-е. – М., 2013.
11. Торопова А.В. Смысловое устройство музыкального сознания личности // Мир психологии. – 2008. – № 2 (54). – С. 127–137.
12. Торопова А.В. Феномен интонирования в контексте исследования музыкально-языкового сознания // Развитие личности. – 2013. – № 3. – С. 86–101.
13. Торопова А.В. Индивидуально-типологические особенности музыкального сознания // Педагогическое образование и наука. – 2007. – № 2. – С. 19–22.
14. Мухина В.С. Восприятие как высшая психическая функция // Развитие личности. – 2012. – № 1. – С. 119–135.
15. Мухина В.С. Восприятие как высшая психическая функция (продолжение) // Развитие личности. – 2012. – № 3. – С. 100–127.
16. Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 5-е изд., испр. и доп. – М., 2017.
17. Мухина В.С. Уникальный феномен интонирования, присущий человеку, и его воплощение в науках // Развитие личности. – 2015. – № 3. – С. 41–53.
18. Мухина В.С. Уникальный диапазон понятия «архетип» // Развитие личности. – 2014. – № 4. – С. 163–201.
19. Асафьев Б.В. Музыкальная форма как процесс: в 2 кн. – 2-е изд. – Л., 1971.
20. Медушевский В.В. Интонационная форма музыки. – М., 1993.
21. Zemtsovsky I. I. Ethnic Hearing in the Sociocultural Margins: Identifying Homo Musicans Polyethnoaudiens // Garment and Core: Jews and their Musical Experiences. – Ramat Gan, 2012. – P. 13–30.
22. Шоу Б. Пигмалион // Избранные произведения. – М., 1993. – С. 239–344.
23. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения: в 50 т. Т. 42. – Изд. 2-е. – М., 1955. – С. 41–174.
24. Торопова А.В. Мусическое познание и самосознание // Развитие личности. – 2014. – № 1. – С. 161–175.
25. Земцовский И.И. Апология слуха // Музыкальная академия. – 2002. – № 1. – С. 1–12.

REFERENCE

1. Belyayeva-Ekzemplyarskaya S.N. *O psikhologii vospriyatiya muzyki*. Moscow, 1924 (in Russian).

2. Belyayeva-Ekzemplyarskaya S.N. Zametki o psikhologii vospriyatiya vremeni v muzyke. *Problemy muzykalnogo myshleniya: sb. statey*. Sost. i red. M.G. Aranovskiy. Moscow, 1974, pp. 303–329 (in Russian).
3. Belyayeva-Ekzemplyarskaya S.N. Issledovaniye psikhologii sovremennogo massovogo slushatelya. *Muzykalnoye obrazovaniye*, 1929, no. 3–4, pp. 18–22 (in Russian).
4. Belyayeva-Ekzemplyarskaya S.N. Muzykalnaya germeneytika. *Iskusstvo*, 1927. Vol. 3, book 4, pp. 127–138 (in Russian).
5. Nazaykinskiy E.V. *O psikhologii muzykalnogo vospriyatiya*. Moscow, 1972 (in Russian).
6. Ivanchenko G.V. *Psikhologiya vospriyatiya muzyki: podkhody, problem, perspektivy*. Moscow, 2001 (in Russian).
7. Seashore C.E. *Psychology of Music*. New York, 1990.
8. Teplov B.M. *Psikhologiya muzykalnykh sposobnostey*. Moscow, 2003 (in Russian).
9. Sloboda J.A. *Musical mind: the cognitive psychology of music*. Oxford, 1987.
10. Gelmgolts G. *Ucheniye o slukhovyykh oshchushcheniyakh kak fiziologicheskaya osnova dlya teorii muzyki*. Izd. 3rd. Moscow, 2013 (in Russian).
11. Toropova A.V. Smyslovoye ustroystvo muzykalnogo soznaniya lichnosti. *Mir psikhologii*, 2008/ no. 2 (54), pp. 127–137 (in Russian).
12. Toropova A.V. Fenomen intonirovaniya v kontekste issledovaniya muzykalno-yazykovogo soznaniya. *Razvitiye lichnosti*, 2013, no. 3, pp. 86–101 (in Russian).
13. Toropova A.V. Individualno-tipologicheskiye osobennosti muzykalnogo soznaniya. *Pedagogicheskoye obrazovaniye i nauka*, 2007, no. 2, pp. 19–22 (in Russian).
14. Mukhina V.S. Vospriyatiye kak vysshaya psikhicheskaya funktsiya. *Razvitiye lichnosti*, 2012, no. 1, pp. 119–135 (in Russian).
15. Mukhina V.S. Vospriyatiye kak vysshaya psikhicheskaya funktsiya (prodolzheniye). *Razvitiye lichnosti*, 2012, no. 3, pp. 100–127 (in Russian).
16. Mukhina V.S. *Lichnost: Mify i Realnost (Alternativnyy vzglyad. Sistemnyy podkhod. Innovatsionnyye aspekty)*. 4th ed., ispr. i dop. Moscow, 2014 (in Russian).
17. Mukhina V.S. Unikalnyy fenomen intonirovaniya. prisushchiy cheloveku i ego voploshcheniye v naukakh. *Razvitiye lichnosti*, 2015, no. 3, pp. 41–53 (in Russian).
18. Mukhina V.S. Unikalnyy diapazon ponyatiya “arkhetip”. *Razvitiye lichnosti*, 2014, no. 4, pp. 163–201 (in Russian).

19. Asafyev B.V. *Muzykalnaya forma kak protsess*. 2nd ed. Leningrad, 1971 (in Russian).

20. Medushevskiy V.V. *Intonatsionnaya forma muzyki*. Moscow, 1993 (in Russian).

21. Zemtsovsky I. I. Ethnic Hearing in the Sociocultural Margins: Identifying Homo Musicans Polyethnoaudiens. *Garment and Core: Jews and their Musical Experiences*. Ramat Gan. 2012, pp. 13–30.

22. Shou B. Pigmalion. *Izbrannyye proizvedeniya*. Moscow, 1993, pp. 239–344 (in Russian).

23. Marks K. Ekonomicheskoye-filosofskoye rukopisi 1844 goda. *K. Marks i F. Engels. Sochineniya*. In 50 vol. Vol. 42. 2nd ed. Moscow, 1955, pp. 41–174 (in Russian).

24. Toropova A. V. Musicheskoye poznanie i samosoznanie. *Razvitiye lichnosti*, 2014, no. 1, pp. 161–175 (in Russian).

25. Zemtsovskiy I.I. Apologiya slukha. *Muzykalnaya akademiya*, 2002, no. 1, pp. 1–12 (in Russian).
